

Бурова Мария Леонидовна

ДИАЛЕКТИКА НАЦИОНАЛЬНОГО И ПАТРИОТИЧЕСКОГО В ФИЛОСОФИИ ИСТОРИИ П. Я. ЧААДАЕВА

Статья раскрывает взаимодействие национального сознания и патриотизма в философии истории П. Я. Чаадаева через категории единства, тождества, различия, истинного и ложного, инстинктивного и рефлексивного, рассудочного и разумного. Диалектика национального и патриотического рассматривается в его концепции философии истории как восхождение к единому духовному основанию, под которым понимается христианская истина. Сделанное философом различие национального сознания и сознания нации, подлинного и иллюзорного патриотизма связывается с противопоставлением эмпирического и рационального осмысления истории.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2016/4-1/8.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 4(66): в 2-х ч. Ч. 1. С. 36-39. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2016/4-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

УДК 141+930.1

Философские науки

Статья раскрывает взаимодействие национального сознания и патриотизма в философии истории П. Я. Чаадаева через категории единства, тождества, различия, истинного и ложного, инстинктивного и рефлексивного, рассудочного и разумного. Диалектика национального и патриотического рассматривается в его концепции философии истории как восхождение к единому духовному основанию, под которым понимается христианская истина. Сделанное философом различие национального сознания и сознания нации, подлинного и иллюзорного патриотизма связывается с противопоставлением эмпирического и рационального осмысления истории.

Ключевые слова и фразы: философия истории; национальное сознание; сознание нации; истинный патриотизм; ложный патриотизм.

Бурова Мария Леонидовна, к. филос. н., доцент

Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения
marburova@yandex.ru

ДИАЛЕКТИКА НАЦИОНАЛЬНОГО И ПАТРИОТИЧЕСКОГО В ФИЛОСОФИИ ИСТОРИИ П. Я. ЧААДАЕВА

Интерес Чаадаева к философии истории в какой-то мере можно считать неизбежным. Родство с известным историком XVIII века М. М. Щербатовым, общий интерес к истории, возникший в русском обществе после выхода трудов Н. М. Карамзина, личный опыт путешествий по европейским странам, а также самосознание себя как христианского философа, – все эти факторы, взятые в совокупности, явились импульсом для осмысления сути мирового исторического процесса. Для своего времени концепция Чаадаева оказалась необходимой и актуальной, но и сейчас его наследие не потеряло своей значимости.

Разделяя сложившееся к началу XIX века убеждение, что история, прежде всего, является историей народов, Чаадаев сравнивает народ с личностью человека. Аналогия, безусловно, не новая и говорит о тяготении автора к антропологизму в объяснении природы нации (народа). В качестве методологического принципа это позволяет увидеть как сходство (народы – нравственные существа, воспитанные веками), так и различие народов. Этот принцип также указывает на нежелание объединять народ с государством и на дистанцирование Чаадаева от политического значения народа на мировой сцене. Мыслителя интересует духовное, нравственное, культурное лицо народа, связанные с этим социальные формы, политическое же представляется вторичным, что он неоднократно постулирует.

Можно утверждать, что для философа особенностью русского народа является единство «мы – народ – личность», но это не то мы-единство, о котором столетие спустя будет писать С. Л. Франк, рассматривая его как первичную категорию социального бытия и единство множественности [1, с. 51]. Для Чаадаева такая характеристика народа имеет отрицательный характер, ибо соотносится с его некоторым изначальным неизменным состоянием искусственно задержанного внешними обстоятельствами детства, отсутствием внутреннего развития. Вместо страстной, полной творческих сил и свершений юности, пишет он, «мы живем лишь в самом ограниченном настоящем без прошедшего и без будущего, среди плоского застоя. И если мы иногда волнуемся, то не в ожидании или не с пожеланием какого-нибудь общего блага, а в ребяческом легкомыслии младенца, когда он тянется и протягивает руки к погремушке, которую ему показывает кормилица» [4, с. 20]. Мы-народ по своему возрасту, длительности своего существования должны быть уже зрелыми людьми, с опытом рефлексии, самопознания. Но вместо способности к самостоятельному мышлению, к осмысленности своей долгой жизни, есть лишь привычка бездумного существования и поверхностного копирования чужого опыта. Даже отношение к мысли у русского народа и европейцев разное. «Во Франции на что нужна мысль? – чтоб ее высказать. – В Англии? – чтоб привести ее в исполнение. – В Германии? – чтоб ее обдумать. – У нас? – Ни на что! – и знаете ли почему?» [3, с. 171].

Для Чаадаева подлинность человека сопряжена с наличием у него нравственного сознания. Но и народ становится народом, когда он имеет национальное сознание. Как осмысление своей жизни меняет лицо человека, так и осмысление своей истории должно изменить лицо народа. Нужна глубинная работа духа с осознанием прошлого и пониманием своего настоящего. Самопознание и самовоспитание, как человека, так и народа, позволяет увидеть общность с другими людьми и народами, почувствовать единую духовную и социальную атмосферу.

Это постулируемое требование самопознания ведет к дальнейшему теоретическому исследованию исходного объединяющего начала. В качестве него в первом философском письме Чаадаев рассматривает нравственные принципы, идеи, общую логику, которые представляют собой проявления одной и той же Истины, а именно, истины откровения, христианской идеи. Эта идея действует на индивидуальное и общее сознание, в каждый настоящий момент и постоянно, что и подтверждается, по его мнению, историей христианского общества. Движение этого общества осуществлялось силой мысли, где за идеей рождались убеждения и интересы [5, с. 51].

Можно утверждать, что уже в первом письме усматривается диалектика национального сознания как развития от изначального тождества к отдельности и общности через восхождение к единой идее. Восприятие идеи должно быть обдуманным и осмысленным, только тогда она будет усвоенной, но краткость жизни личности и народа не всегда позволяет осознать ему свое место в связи с общим замыслом и целью. Философ

различает национальное сознание и сознание нации. Национальное сознание должно быть едино, но сознание нации эмпирически и исторически неоднородно. От этой неоднородности и зависит движение к цели, ибо нация делится Чаадаевым на массы и мыслителей, а в сознании нации противопоставляются мысли и чувство. «Народные массы подчинены известным силам, стоящим вверху общества. Они не думают сами; среди них есть известное число мыслителей, которые думают за них, сообщают импульс коллективному разуму народа и двигают его вперед. Между тем как небольшая группа людей мыслит, остальные чувствуют, и в итоге совершается общее движение» [Там же, с. 46-47]. Говоря более современным языком, и в сознании нации, и в самой нации различаются источники и движущие силы их развития.

В рассмотрении сознания нации философом неоднократно используется противопоставление слепоты и ясности, что позволяет предположить и достаточно сильное воздействие платоновской мысли, и в то же время философии Лейбница. «Счастливы те, кто носит в сердце своем ясное сознание части, им творимой, в этом великом движении, которое сообщил миру сам Бог. Но не все суть деятельные орудия, не все трудятся сознательно; необходимые массы движутся слепо, не зная сил, которые приводят их движения, и не провидя цели, к которой они влекутся, – бездушные атомы, косные громады» [Там же, с. 55]. Это положение позволяет также протянуть мостик и к концепции субстанциональных деятелей Н. О. Лосского.

Тем самым дается ответ на вопрос о самосознании человека и народа. Для самосознания человека нужна рефлексия, вера и нравственная философия, а для народа важна философия истории, о необходимости создания которой Чаадаев пишет в шестом, седьмом и восьмом письмах, также обращение к философии истории можно встретить и в других его произведениях.

Философ неоднократно выступает против эмпирического истолкования истории как совокупности фактов и событий, как бы они ни группировались и понимались. Он также критикует сведение философии истории к физиологической классификации рас, называя этот подход «философией своей колокольни, которая занята разбивкой народов по загородкам на основании френологических и филологических признаков, только питает национальную вражду...» [3, с. 185]. Подобная систематизация народов не решает вопроса об их дальнейшем совместном развитии. Тем самым утверждается различие не только внешнее, телесное, но и внутреннее, духовное. Вопрос «Следует ли стремиться к общему слиянию всех народов или же надлежит монголу навсегда оставаться монголом, малайцу – малайцем, негру – негром, славянину – славянином?» [Там же], заданный Чаадаевым, звучит вполне современно в условиях глобализации современного человечества. Бессмысленно, считает философ, делить народы на расы привилегированные или отверженные. История, народ, цивилизация находятся в сложном причинно-следственном взаимодействии: «Сперва история создает учреждения, затем народы, воспитанные своими учреждениями, продолжают дело истории, завершают или искажают его, в зависимости от того, насколько они счастливо одарены» [Там же, с. 189]. По сути, Чаадаев предлагает отойти от попыток деления рас и народов на случайном или выдуманном основании (что свойственно для аналитической рассудочной деятельности) и встать на путь диалектического исследования, путь синтеза. Это в какой-то мере соответствует и его исследованию разума, сделанному в третьем и пятом письмах. Противопоставление искусственного, стесненного логикой человеческого разума и разума мирового (божественного), направляющего извне человека к познанию, разума в субъективной временной и в верховной объективной действительности [5, с. 70-72, 97], свидетельствует о том, что требование Чаадаевым рационального осмысления истории не совпадает с трактовкой рациональности в эпоху Просвещения и в немецкой философии. Для него рациональное связано с нравственным миропорядком как идеальным образцом, с верховным законом (что можно трактовать как движение к Платону и к средневековому реализму), и это требует переоценки многих исторических событий и лиц.

Философ призывает к осмыслению самими народами своего прошлого как основы для понимания настоящего, предвидения будущего и становления истинного национального сознания. Истинность национального сознания основана на единстве его собственного содержания (положительные идеи, очевидные истины, глубокие убеждения и единая цель) и утверждении этого единства эмпирически в историческом процессе как конечной цели человечества. Надеюсь, что «...национальности, освободившись от своих заблуждений и пристрастий, уже не будут, как до сих пор, служить лишь к разъединению людей, а станут сочетаться одни с другими таким образом, чтобы произвести гармонический всемирный результат; и мы увидели бы, может быть, народы, протягивающие друг другу руки в правильном сознании общего интереса человечества, который был бы тогда не чем иным, как верно понятым интересом каждого отдельного народа» [Там же, с. 107-108], Чаадаев не предлагает это высказывание понимать как призыв к космополитизму, называя подобное будущее химерой (а не химерой ли оказывается сейчас «единая Европа?»).

Важен как общий, так и индивидуальный интерес, внутренняя обособленность народа, большого или малого, от остального человечества, «личное я коллективного человеческого существа» [Там же, с. 108]. И этот интерес не узко прагматический или экономический, а нравственный, без которого невозможно познание народами своих пороков, добродетелей и их собственное совершенствование. Можно сделать вывод, что национальное сознание воздействует на сознание нации, делая его более сплоченным, единым и в то же время особенным. Таким образом, Чаадаев утверждает общечеловеческое сознание не как новую однородность, а как единство и взаимодействие различных истинных идей, убеждений и интересов, как гармонию в пифагорейском смысле, сопрягающую разнородное.

Противопоставление истинного и ложного национального сознания находится в связи со старым, основанным на достоверности хроники, и новым, основанным на достоверности нравственного разума, пониманием истории. Можно утверждать, что тем самым ставится проблема соотношения в научном историческом знании истинности и ценности как объективных целей. Основой для ценностного и одновременно истинного понимания философии

истории является история христианской Европы, ибо там и реализуется божественное Провидение, обнаруживается единая духовная сила. Все интересы христианских народов подчиняются этой могучей силе, «которая овладевает всеми способностями души, заставляет служить себе все силы разума и чувства и направляет все в человеке на выполнение его предназначения. И этот интерес никогда не может быть удовлетворен; он беспрделен. Таким образом христианские народы в силу необходимости постоянно идут вперед» [Там же, с. 118]. Не обособленность и раздробленность, не однородность, а универсальность в развитии народов, развитие единого мышления, стремление к единой истине является той дорогой, на которую должна стать и Россия.

Последовавшая за публикацией резкая критика идей Чаадаева и обвинения самого автора в ненависти к Родине вынудили его дополнить некоторые положения. В «Апологии сумасшедшего» на первый план выходит анализ патриотизма, в ходе которого через выявление внешних различий обнаруживается его связь с философией истории.

Различается любовь самоеда к своим снегам и англичанина к своей цивилизации [2, с. 147]. Патриотизм может быть «разнуданным» [3, с. 187] и низким, ведь на любовь к Отечеству может быть способно и самое гнусное существо [Там же, с. 201]. К этому можно добавить и современную автору пушкинскую «любовь к родному пепелищу, любовь к отеческим гробам» (а эти чувства могут быть и залогом величия человека, и животворящей святыеи) и лермонтовскую странную, неподвластную рассудку, любовь к отчизне. Тем самым утверждается множественность проявлений патриотизма и оснований для него, а также ценностная иерархия этих проявлений. Племенной патриотизм, основанный на привычке и общем бытии как низшая ступень, противопоставляется государственному, имперскому или республиканскому (вспомним патриотизм римлянина), и тогда в самом патриотизме можно увидеть эволюцию.

Любая классификация только подтверждает разноликость проявлений патриотизма, потому что в их основе лежит внутренняя противоречивость самой любви к отечеству; приводя к различным по своей ценности следствиям, она антагонистична любви к истине, под которой понимается не отвлеченная научная истина, а христианская. «Любовь к отечеству рождает героев, любовь к истине создает мудрецов, благодетелей человечества. Любовь к родине разделяет народы, питает национальную ненависть и подчас одевает землю в траур; любовь к истине распространяет свет знания, создает духовные наслаждения, приближает людей к Божеству» [2, с. 148]. Если применить к любви к Родине критерии истинности, то она может оказаться иллюзорной или даже слепой. Чаадаев выступает против слепоты, за ясное видение, за единство истины и пользы для Родины.

Патриотическое чувство мыслителя особое, критическое. «Я нахожу, что человек может быть полезен своей стране только в том случае, если ясно видит ее; я думаю, что время слепых влюбленностей прошло, что теперь мы прежде всего обязаны родине истиной... Мне чужд, признаюсь, этот блаженный патриотизм лени, который приспособляется все видеть в розовом свете и носится со своими иллюзиями...» [Там же, с. 156-157]. Ясное видение как рефлексия, мысль противопоставляется инстинктивному чувству. Подобно тому, как различались национальное сознание и сознание нации, сравниваются истинный патриотизм и патриотизм отдельной нации в его конкретной исторической форме: «...мы имеем пока только патриотические инстинкты. Мы еще очень далеки от сознательного патриотизма старых наций, созревших в умственном труде, просвещенных научным знанием и мышлением; мы любим наше отечество еще на манер тех юных народов, которых еще не тревожила мысль, которые еще отыскивают принадлежащую им идею, еще отыскивают роль, которую они призваны исполнить на мировой сцене...» [Там же, с. 160].

Подлинный патриотизм для Чаадаева – это не фантазии и ретроспективные утопии, а истинная объективная, научная оценка своей истории и возможность научного предвидения: «нужно стараться лишь постигнуть нынешний характер страны в его готовом виде, каким его сделала сама природа вещей, и извлечь из него всю возможную пользу. Правда, история больше не в нашей власти, но наука нам принадлежит; мы не в состоянии проделать сызнова всю работу человеческого духа, но мы можем принять участие в его дальнейших трудах; прошлое уже нам не подвластно, но будущее зависит от нас» [Там же, с. 158]. Исследование патриотизма вновь возвращает его к философии истории, но если в философических письмах дана ее метафизическая основа, то в «Апологии...» речь идет о методологии, о выдвижении конкретных требований анализа прошлого.

Прежде всего, это – поиск переломов истории, где главенствует проявление жизни и социального принципа народа. Философ использует метафору света и тьмы. Историческая жизнь народа сопряжена с лучезарным началом его закона и светом национальных подвигов, напротив, с бледным тусклым началом в подземных сферах социального существования связана жизнь народов ископаемых [Там же, с. 156]. Это можно рассматривать как предложение системы исторических координат, своеобразных экстремумов для изучения цикла жизни народа.

Далее необходим переход от простого собирания фактов и описания событий к пониманию причин событий и действий, их функциональной связи, а также к их направленности. Для Чаадаева история «всякого народа представляет собою не только вереницу следующих друг за другом фактов, но и цепь связанных друг с другом идей. Каждый факт должен выражаться идеей; чрез события должна нитью проходить мысль или принцип, стремясь осуществиться: тогда факт не потерян, он провел борозду в умах, запечатлелся в сердцах, и никакая сила в мире не может изгнать его оттуда» [Там же, с. 151]. Но здесь возникает определенная трудность в различении значимости стоящих за фактами идей, поскольку не каждая местная идея или предрассудок является основанием для истории. Нужно не исследовать частности, а видеть целостность. Мировая история связана с великими мировыми идеями, под которыми Чаадаев понимает идеи Востока и Запада. Созерцательность и замкнутость Востока противопоставляется им открытости и творческой активности Запада. Чаадаев считает, что Россия волей Провидения тяготеет к Западу, и величие Петра I заключается в том, что он почувствовал это предназначение и попытался его реализовать. Тем самым встает еще и задача понимания и оценки роли в истории великих личностей, в том числе национальных лидеров, поскольку они принадлежат всему человечеству.

Так, образ Петра I можно рассматривать как символ борьбы с национальными предрассудками и поиска национальной идеи и как конкретное воплощение истинного национализма и патриотизма. Петр I «хорошо понял, что, стоя лицом к лицу со старой европейской цивилизацией, которая является последним выражением всех прежних цивилизаций, нам незачем задыхаться в нашей истории и незачем тащиться, подобно западным народам, чрез хаос национальных предрассудков, по узким тропинкам местных идей, <...> что мы должны свободным порывом наших внутренних сил, энергическим усилием национального сознания овладеть предназначенной нам судьбой» [Там же, с. 150]. Национальное сознание может стать одним из факторов ускорения исторического развития народа. Безусловно, у Чаадаева чувствуется тяготение к провиденциализму и мессианству. Он считает позволительным надеяться, что, если провидение призывает народ к великим судьбам, оно пошлет ему и средства для их свершения [3, с. 187]. Но для реализации этого замысла, для овладения средствами нужна деятельность самого народа, в которой соединится инстинкт, воля и понимание.

Поэтому в судьбе русского народа Чаадаев не видит непреложной необходимости и давления логики времени, а надеется на то, что «в нашей власти измерять каждый шаг, который мы делаем, обдумывать каждую идею, задевающую наше сознание» [2, с. 159], допуская тем самым основания для свободного движения к цели.

Таким образом, создание философии истории способствует истинному национализму, изучение своей истории является основой для подлинного патриотизма. Сопрягающим началом национализма и патриотизма оказывается христианская истина, но их разнообразные эмпирические проявления могут оказаться ложными. Поскольку в основании истории лежит познание и реализация идей, а философия истории эту идею обнаруживает, то национализм и патриотизм оказываются в итоге растворенными в христианском универсализме.

Список литературы

1. Франк С. Л. Духовные основы общества. М.: Республика, 1992. 511 с.
2. Чаадаев П. Я. Апология сумасшедшего // Чаадаев П. Я. Статьи и письма. М.: Современник, 1989. С. 147-161.
3. Чаадаев П. Я. Отрывки и афоризмы // Чаадаев П. Я. Статьи и письма. М.: Современник, 1989. С. 162-217.
4. Чаадаев П. Я. Сочинения. М.: Правда, 1989. 656 с.
5. Чаадаев П. Я. Философические письма // Чаадаев П. Я. Статьи и письма. М.: Современник, 1989. С. 38-146.

DIALECTICS OF NATIONAL AND PATRIOTIC IN THE PHILOSOPHY OF HISTORY BY P. YA. CHAADAEV

Burova Mariya Leonidovna, Ph. D. in Philosophy, Associate Professor
Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation
marburova@yandex.ru

The article reveals the interaction of national consciousness and patriotism in the philosophy of history by P. Ya. Chaadaev through the categories of unity, identity, difference, true and false, instinctive and reflexive, rational and reasonable. The dialectics of national and patriotic is examined in his conception of the philosophy of history as an ascent to a single spiritual basis, which is known as Christian truth. The difference between national consciousness and the consciousness of the nation, true and illusory patriotism made by the philosopher is connected with the opposition of the empirical and rational comprehension of history.

Key words and phrases: philosophy of history; national consciousness; consciousness of nation; true patriotism; false patriotism.

УДК 78.072.2

Искусствоведение

В статье впервые собраны и систематизированы разрозненные биографические сведения о практически не изученном в отечественном музыковедении итальянском музыканте К. Джервазони (1762-1819). Его трактат "La scuola della musica" рассматривается в контексте жизненного и творческого пути автора. Изложенные в статье музыкально-теоретические положения трактата знакомят читателя с научными принципами итальянской теории музыки рубежа XVIII-XIX веков, в частности, отражают теоретические взгляды итальянских музыкантов на принципы строения сонатной формы и ее жанровые особенности.

Ключевые слова и фразы: итальянская теория музыки; Карло Джервазони; "La scuola della musica"; сонатная форма; соната; симфония.

Варламова Екатерина Геннадьевна

Казанская государственная консерватория имени Н. Г. Жиганова
katerinadakazan@yandex.ru

КАРЛО ДЖЕРВАЗОНИ И ЕГО "LA SCUOLA DELLA MUSICA"

В 1800 году в Италии, в городе Пьяченца, вышел в свет трактат органиста, клавесиниста, скрипача и композитора Карло Джервазони (Gervasoni) «Школа музыки в трех частях. Сочинение Карло Джервазони – миланца, преподавателя и капельмейстера Главной церкви Борго Таро» ("La scuola della musica in tre parti divisa. Opera di Carlo Gervasoni milanese Professore e Maestro di Cappella della Chiesa Matrice di Borgo Taro") [13].